

Сараев А. А.

С20 Стояли насмерть. Волгоград, Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1976.

192 с. с ил. (Подвиг Сталинграда бессмертен).

Автор, бывший командир 10-й ордена Ленина стрелковой дивизии войск НКВД, вспоминает о том, как бойцы и командиры героически сражались с немецко-фашистскими захватчиками в начальный период Сталинградского сражения.

С $\frac{11202-048}{М 151(03)-76}$ 4 – 76

9(с)272

©НИЖНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1976

РОДНОЕ ДЕТИЩЕ СТАЛИНГРАДА

Так в 1942-м героическом году рабочие, все трудящиеся города любовно нарекли 10-ю дивизию войск НКВД, сформированную в Сталинграде. Командиром нового соединения стал полковник Александр Андреевич Сараев - человек высокой выучки и исключительных организаторских способностей, прошедший большую школу воинского воспитания и мастерства. Его непосредственными боевыми помощниками были военный комиссар дивизии Петр Никифорович Кузнецов и начальник штаба Василий Иванович Зайцев.

В состав дивизии в основном входили сибиряки и уральцы, спаянные рабочим костяком сталинградских заводов. Через ее боевые ряды прошли тысячи сталинградцев, в дни суровых испытаний они оставили рабочие места у станков и мартеновских печей и с оружием в руках встали на защиту родного города.

Еще в начале 1942 года, когда обкому партии и городскому комитету обороны стало известно о том, что в Сталинграде предстоит сформировать дивизию, мы не знали и не предполагали о той роли, которую ей предстоит сыграть через шесть месяцев. Ей выпала тяжкая доля первой вступить в неравный бой с прорвавшимися к Сталинграду полчищами немецко-фашистских войск.

После того как гитлеровская 6-я армия генерала Ф. Паулюса танковым тараном расчленила наш фронт на Дону, военная гроза надвинулась на город с такой быстротой и внезапностью, что мы смогли противопоставить врагу лишь малочисленный местный гарнизон в составе 10-й дивизии войск НКВД, сводного батальона курсантов Сталинградского военно-политического училища, отряда морской пехоты Волжской военной флотилии, двух учебно-танковых батальонов СТЗ и нескольких истребительных батальонов и рабочих отрядов. Они то и встретили прорвавшегося противника, не позволив ему осуществить коварные замыслы по захвату Сталинграда с ходу. Этим была обеспечена возможность перегруппировать силы и средства 62-й армии под командованием генерала Лопатина и организовать оборону города. При этом в первые дни боев непосредственно за Сталинград значительная тяжесть задач по защите города легла на 10-ю дивизию войск НКВД и рабочие отряды.

Прежде чем вступить в бой с немецко-фашистскими захватчиками, воины дивизии в исключительно сложной обстановке выполнили ряд немаловажных боевых заданий городского комитета обороны и Верховного командования. Они несли охранную службу на донских и волжских переправах, на основных коммуникациях на подступах к городу, участвовали в борьбе с вражескими десантами, патрулировали улицы. Все эти мероприятия позволили в прифронтовом городе сохранить четкий трудовой ритм, обеспечить строгий порядок и привести Сталинград в боевую готовность.

Исключительно тяжелыми были бои севернее города, на тракторозаводском боевом участке. Начиная с 25 августа и в последующие дни здесь самоотверженно сражался с превосходящими силами врага 282-й стрелковый полк 10-й дивизии войск НКВД.

Умело и стойко сражались бойцы и командиры 269-го, 270-го, 271-го и 272-го стрелковых полков дивизии. Это они в первые дни боев за Сталинград не допустили прорыва противника к Мамаеву кургану, в центральную и зацарицынскую части города. Воины-чекисты и бойцы истребительных батальонов выстояли перед натиском немецко-фашистских войск до подхода регулярных частей Красной Армии.

Бойцы, командиры и политработники 10-й дивизии войск НКВД в дни Сталинградской битвы проявили массовый героизм, самоотверженность, стойкость и преданность Родине. Они до конца выполнили свой священный долг, не пропустив врага.

*Генерал-майор А. А. Сараев,
1943 г.*

Примером боевой храбрости и героизма в боях за Сталинград являлся сам командир дивизии товарищ А. А. Сараев. Он самоотверженно выполнял задания командования, Военного совета фронта и городского комитета обороны.

Кинга «Стояли насмерть» посвящена короткой, но славной истории Сталинградской ордена Ленина 10-й дивизии войск НКВД. Ее написал бывший командир дивизии генерал-майор Александр Андреевич Сараев. Автор рассказывает о формировании соединения, о боевых подвигах воинов дивизии в Сталинградской битве. Он рассказывает просто и доверительно, с огромной душевной теплотой о самых огненных днях битвы, о безмерных испытаниях, выпавших на долю воинов-чекистов.

Мне, как бывшему председателю городского комитета обороны и члену Военного совета Сталинградского фронта будет позволено отозваться о А. А. Сарееве как о блестящем командире дивизии, человеке большого воинского таланта и настоящем солдате нашей великой Родины. Он навсегда останется в нашей памяти живым примером доблести, стойкости и воинского мастерства.¹

Будучи командиром дивизии войск НКВД, А. А. Сараев был назначен начальником Сталинградского гарнизона а позже -начальником укрепленного района. Оперативность Александра Андреевича была исключительно высокой. В течение дня он бывал на всех участках обороны частей дивизии и рабочих отрядов. Он хорошо знал боевую обстановку, о которой постоянно докладывал Военному совету фронта и городскому комитету обороны, и получал необходимую помощь.

Все это дало ему возможность правдиво и полно показать подвиг воинов-чекистов, бойцов истребительных батальонов и рабочих отрядов в Сталинградской битве. В числе героев величайшего сражения - бойцы, командиры и политработники дивизии, рабочие заводов и партработники города, врачи, служащие и младший медицинский персонал Сталинграда.

Кингу с интересом прочтут непосредственные участники Сталинградской битвы, все ветераны Великой Отечественной войны, молодежь, изучающая историю Сталинградской битвы, все, кто с оружием в руках отстаивал свободу И независимость нашей Родины. Эта книга будет одинаково интересной для воинов Советской Армии, особенно для пограничных и внутренних войск страны и для всей нашей молодежи.

А. С. ЧУЯНОВ,
бывший первый секретарь
Сталинградского обкома партии,
председатель городского комитета обороны

¹Александр Андреевич Сараев умер в октябре 1970 года, оставив черновик рукописи своих воспоминаний.

ПО ЗОВУ СЕРДЦА, ПО ВЕЛЕНИЮ РОДИНЫ

Недаром зовут сталинградцами нас:
Мы город родной отсталяли.
Не дрогнули в грозный, решительный час,
Священную клятву сдержали.

(Из песни о 10-й дивизии)

1941 год. Тогда я командовал соединением войск НКВД. Его части были разбросаны по огромной территории Сибири, составляя гарнизоны по охране железнодорожных объектов и отдельных особо важных пунктов вплоть до границ с Монгольской Народной Республикой. По долгу службы большую часть времени мы проводили в командировках, руководя боевой и политической подготовкой вверенных нам частей и проверяя, как воины несут охранную службу. Не часто выпадали свободные воскресные дни. А если уж случалось такое, непременно семьями выезжали на рыбалку. Особенно любили отдыхать на Оби у железнодорожного моста, что в 20 километрах от расположения штаба. Так произошло и в тот памятный день.

Июнь. Как раз пора цветенья в Сибири. Даже скалистые берега реки закурчавились розовыми лишайниками, бирюзовой пахучей репкой. Густо настоян запахами трав и кустарников воздух. Он и душновато-парной от медвежьей разлапистой пучки да широколистой чемерицы, и крепко-терпкий от дикого миндаля и черемухи, и приторно-сладкий от белого и пунцового шиповника. Не дышишь, а словно пьешь этот воздух, как парное молоко.

Поздним субботним вечером группа командиров управления соединения, их семьи прибыли на катере к «обжитому» месту у моста. Рассчитывали на утренней зорьке поймать стерлядок. Самая пора клева. С майором Поляковым я встал затемно. Стараясь не разбудить спящих, мы покинули катер. Над рекой клубился белесый туман. Было сыро и прохладно. Так и хотелось вернуться на катер, в теплую постель. Но всплески рыбы в реке подбадривали, разжигали азарт. Быстро приготовили снасти, забросили в воду. А тем временем на востоке уже прорезалась светлая полоска, отрезав землю от неба. Вдоль реки потянуло северным ветром. Туман сразу разорвало в клочья, угнало к сосновому лесу за луговину. И сразу показался железнодорожный мост. На нем взад-вперед прохаживался часовой. Увидели мы и корягу. Но слишком поздно. Она плыла вдоль берега, обрывая снасти...

Проснулись семьи, зашумели. На берегу реки, у катера, вспыхнул костер, звякнули ведра. Собирались варить уху. Но рыбы не было. Все снасти порвало. Вот тут мне и Полякову довелось выдержать настоящую осаду. Как нас только не называли: и горе-рыбаками, и неудачниками, и хвастунами. И, конечно, смеялись. Но больше всего нам досталось от моей дочурки Тамары. Ее бесконечные «почему» и «зачем» буквально ставили в тупик. Да и как объяснишь ребенку постигшую нас неудачу? А солнце с высоты сосредоточенно грело притихшую землю, убаюкивало. Внезапно налетел порыв ветра. Он резко прошелся по расцвеченному лугу, смешал разнотравье, будто выстелил постель. И снова тихо. Потом из ближнего гарнизона прибежал дежурный. Приложив руку к козырьку фуражки, он перевел дыхание и словно выстрелил:

- Товарищ полковник, война...

Оставив семьи у моста, командиры заспешили к месту службы. Катер ласточкой взлетал над гребнями волн, разрезал их, рискуя в любую минуту перевернуться или нырнуть в пучину. Но все обошлось благополучно. В областном управлении НКВД меня уже ждали, заместитель наркома внутренних дел спросил:

- Где был?

- На рыбалке, товарищ заместитель народного комиссара.

- Приступай к мобразвертыванию. Война...

Угасал воскресный день. Огненный шар солнца грузно опускался в пылающее горнило неба, а снизу, от земли, горбились темные, еще расплывчатые контуры строений города.

Солнце становилось все меньше, все больше тускнело, и только всеми красками пылал край неба. Казалось, за этими зданиями бушует море огня. Не хотелось верить, что там, на западных рубежах Родины, куда ушло солнце, льется кровь...

Война сразу оттеснила на задний план все личное, второстепенное. Ушла спокойная, размеренная жизнь. Город наполнился грохотом подвод, автомашин, тракторов, следующих на пункты сбора. По улицам шагали колонны мобилизованных с песнями, оркестрами. Днем и ночью не утихал гул. Шла мобилизация формирований Западно-Сибирского военного округа. Сибиряки поднимались на защиту Отчизны. Вскоре многие рабочие влились в боевые формирования. На смену ушедшим на фронт отцам и братьям встали на самых сложных участках подростки и женщины.

Дни по укомплектованию соединения были заполнены до предела. Командный состав перешел на казарменное положение. Работали круглосуточно. Дружный коллектив успешно справился с поставленной задачей. А с фронта шли неутешительные вести. Фашистские полчища рвались к Ленинграду, Москве, Киеву... Все мои мысли были о фронте. Думалось: «Родина дала путевку в жизнь, партия воспитала, армия обучила. Почему же ты, когда ей тяжело, сидишь в тылу? Почему не на фронте? Твоя основная задача – защита Отчизны».

Как-то вечером я позвонил по ВЧ начальнику войск НКВД по охране железнодорожных сооружений страны генерал-майору Гульеву и попросил отправить меня на фронт. В ответ услышал: «Сиди на месте. Надо будет, сами найдем».

Воинская дисциплина – суровый долг. Пришлось подчиниться.

В начале января 1942 года из Москвы поступило распоряжение: сформировать в Омске отборный полк с преобладающей прослойкой коммунистов и комсомольцев для отправки на Запад. Тогда я не мог и предположить, что он войдет в состав 10-й дивизии оперативных войск НКВД, которой мне доведется командовать.

Через несколько дней я вновь услышал резкий звонок по ВЧ. Так могли звонить только из Москвы. Говорил генерал-майор Гульев:

– Собирайся и любыми средствами немедленно выезжай в Сталинград формировать 10-ю дивизию. Все указания получишь в областном управлении НКВД на месте. Соединение оставь на начальника штаба.

Утром 16 января я отправился в путь. До станции Итиг ехал со всеми удобствами – в санитарном поезде, который следовал в Москву за ранеными. Потом начались дорожные мытарства. Где маршрутным паровозом и товарным поездом, а где и дрезиной, я в буквальном смысле пробивался к Сталинграду через Златоуст, Уфу, Ульяновск, Саратов. На железных дорогах очень заметно ощущалось дыхание войны. Пассажирские поезда ходили нерегулярно. Все станции были перегружены составами с боевой техникой и военными грузами. Основной их поток следовал на Москву. Только через две недели со времени отъезда по назначению, вконец измотанный и грязный, я сошел на станции Сталинград-I. И тут же направился к начальнику областного управления НКВД Александру Ивановичу Воронину². От него узнал, что 10-я дивизия войск НКВД уже начала свое формирование. Обязанности командира временно исполняет военный комиссар дивизии полковой комиссар Петр Никифорович Кузнецов. Задачи на ближайшее время: продолжить формирование соединения, одновременно вести обучение и воспитание личного состава.

Был поздний вечер. Ранее прибывший руководящий состав штаба, политотдела и тыла дивизии я нашел на «казарменном положении» в общежитии одного из домов УНКВД. Неожиданной радостью для меня было встретить здесь подполковника В. И. Зайцева³. В 1935–1937 годах с Василием Ивановичем мы были преподавателями тактики в Московской высшей пограничной школе, потом вместе учились в Военной академии им. М. В. Фрунзе. Теперь его назначили начальником штаба 10-й дивизии. Хорошо подготовленный командир с большим практическим опытом работы в войсках, спокойный, исключитель-

² Впоследствии генерал-лейтенант.

³ В. И. Зайцев, ныне генерал-майор в отставке, живет в Москве. До ухода на пенсию работал преподавателем в Академии Генерального штаба.

но трудолюбивый и скромный, он был прирожденным штабистом. Нам не нужно было «срабатываться». Одинаковый уровень подготовки, единое оперативное и тактическое мышление, взаимное доверие – все это обеспечило дружную согласованную работу. Не один год войны мы прошли вместе с Василием Ивановичем, и никогда не нарушалась наша боевая дружба.

Полковой комиссар П. Н. Кузнецов⁴ в 10-ю дивизию прибыл с Востока с должности военного комиссара соединения войск НКВД. До этого участвовал в боях на Калининском фронте. Петр Никифорович обладал замечательной способностью сразу завоевывать симпатии людей. Молодой, энергичный и хорошо подготовленный политработник, умелый организатор и пропагандист, от зыбчивый на нужды и запросы людей, большой души человек – таким предстал перед нами военный комиссар дивизии. И в последующих боях он оправдал мои надежды. В нем я нашел замечательного товарища и прочную опору в проводимой нами работе.

*Генерал-лейтенант Л. И. Воронин,
1965 г.*

*Военком дивизии, полковой комиссар
П. Н. Кузнецов, 1942 г.*

Знакомясь с руководящим составом управления дивизии, я убедился, что все командиры и политработники были людьми, которые в дни тяжелых для Родины испытаний не видели для себя иных путей кроме личного участия в тяжелой борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Они, как и я, с первых же дней войны добивались отправки на фронт, не раз писали рапорты. И сюда прибыли по зову сердца. Многие из них прошли службу в пограничных и внутренних войсках ОГПУ–НКВД и были воспитаны на лучших чекистских традициях. Таким образом, это уже был дружный и спаянный коллектив, готовый отдать всю энергию, опыт и знания единой цели – выполнению поставленной задачи.

Общим недостатком в подготовке большинства из нас являлось отсутствие боевого опыта. И никто тогда не мог даже предположить, что именно здесь, под Сталинградом, нам будет суждено приобретать этот опыт. Ведь после разгрома немцев под Москвой многие жили надеждой скорого изгнания гитлеровцев с территории родной страны.

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ

Сроки формирования 10-й стрелковой дивизии оперативных войск НКВД и ее состав были определены специальным постановлением Государственного Комитета Обороны. По своей организационной структуре она отличалась от соединений Красной Армии. В ее состав входили: управление дивизии, стрелковые полки, рота боевого обеспечения, медико-

⁴ П. Н. Кузнецов, ныне генерал-майор в отставке, живет в Ленинграде

санитарная рота и тыловые подразделения. Дивизия подчинялась начальнику УНКВД по Сталинградской области.

Стрелковый полк являлся самостоятельной единицей и предназначался для охраны объектов, размещенных на большой территории. В его состав входили: три стрелковых батальона, батарея 45-миллиметровых противотанковых пушек (4 орудия), минометная рота (четыре 82-миллиметровых и восемь 50-миллиметровых), рота автоматчиков, рота связи, взводы разведывательный, саперный и химзащиты, тыловые подразделения. В каждом батальоне имелось три стрелковых роты и пулеметный взвод (4 станковых пулемета системы «максим»).

Таким образом, для ведения длительного боя с регулярными частями противника ни дивизия, ни полки не имели собственных артиллерийских средств. Их нужно было усиливать и артиллерией, и танками.

Вкратце следует сказать и о средствах связи. Они были рассчитаны на то, что соединение будет нести службу по охране тыловых объектов на большой территории. Так, в роте боевого обеспечения дивизии имелся лишь взвод связи. Он состоял из телефонного отделения и двух экипажей радиостанций: П АК и РСБ соответственно для связи с Москвой и частями. В ротах связи стрелковых полков было по две радиостанции РСБ и две 5 АК. И те, и другие очень громоздкие, в возимых вариантах, с большим радиусом действия. Это делало их очень уязвимыми в бою, особенно в условиях города. Правда, табелем предусматривалось иметь в полку малые переносные радиостанции типа РБ, но их заменили устаревшими образцами типа БАК. Следовательно, чтобы поддерживать устойчивую связь с подчиненными командирами в случае ведения боя, нам приходилось рассчитывать на офицеров связи и использование городских телефонных линий. Такое предвидение впоследствии подтвердилось.

Особенностью формирования 10-й дивизии войск НКВД являлось то, что в ее состав были включены в основном уже укомплектованные стрелковые полки. Например, из одного из пограничных округов нам переподчинили 41-й полк. В то время он находился в Воронеже и фактически его мы не получили.

Первым в Сталинград прибыл 272-й комсомольский полк. Он был укомплектован забайкальцами, потомками пугачевских казаков из Борзи, Даурии, Сночи и охотниками таежной части Сибири, в основном добровольцами, изъявившими желание быстрее попасть на фронт. Вот что, например, рассказал лейтенант запаса П. П. Гусев:

– В 1941 году я служил младшим командиром войск НКВД в Забайкалье. Когда узнал о формировании в Иркутске 272-го комсомольского полка, подал рапорт и был зачислен на должность помощника командира взвода. По прибытии полка в Сталинград меня назначили на должность командира 2-го взвода 6-й роты.

Полк разместили в центре Сталинграда – в подвальных помещениях гостиницы и универмага. Командовал полком майор Г. П. Савчук, прослуживший в войсках более 20 лет. Это был хорошо подготовленный и требовательный командир. Душой полка называли его комиссара. Батальонный комиссар И. М. Щербина принадлежал к тому числу людей, которые предпочитали большую часть времени работать непосредственно в подразделениях. За это его и любили бойцы. Суровый на вид, быстрый в решениях, с горячим характером, комиссар обладал способностью личным примером воодушевлять воинов на подвиги.

271-й стрелковый полк прибыл из Свердловска. Его костяк составляли сыновья уральских металлургов и машиностроителей, потомственных камнерезов и рудокопов. Командовал полком майор А. П. Костеницин. Он имел высшее военное образование и большой практический опыт командира. Комиссаром полка был опытный политработник старший политрук А. П. Кольчугин. Полк разместили в Ворошиловском районе города побатальонно.

В Сталинграде были сформированы 269-й и 270-й стрелковые полки. В них вошли подразделения одного из соединений войск НКВД, истребительных батальонов Сталинградской и Московской областей, бойцы и командиры частей НКВД, вышедших из боев с немецко-фашистскими захватчиками. Ядром личного состава этих полков являлись рабочие Сталинграда и Москвы, а также воины-чекисты, уже громившие гитлеровские полчища у западных границ страны и в боях под Смоленском, Курском и Москвой. Полки дислоцировались: 269-й

–в заводских поселках северо-западной части Сталинграда, 270-й–в Бекетовке. Во главе частей стояли: командир 269-го – подполковник И. И. Капранов, награжденный орденом Красного Знамени за боевые подвиги на Западном фронте в 1941 году, и комиссар полка – батальонный комиссар Т. Н. Плотников; командир 270-го – майор А. К. Журавлев, кавалер ордена Красного Знамени за бои в 1941 году, и комиссар полка – батальонный комиссар С. В. Осипов.

Последним в дивизию прибыл 273-й полк. К моей радости, он был укомплектован кадровым составом соединения, которым я еще ранее командовал. Среди воинов оказался и мой бывший шофер Максим Князев, который настойчиво добивался отправки в Сталинград (впоследствии я так и не разлучался с этим скромным, очень спокойным и заботящемся о своем командире воином до его трагической гибели в боях на подступах к Будапешту). Полк размещался в Городище.

Дивизия почти полностью была укомплектована рядовыми и сержантами. Среди личного состава числилось: русских –71,2%, украинцев – 19%, остальных национальностей – 9,8%. Рабочих было 43,4%, крестьян – 37,5%. Преобладал возраст от 22 до 32 лет. Общая партийно-комсомольская прослойка составляла 36%, а к началу боев под Сталинградом она значительно возросла: 2860 коммунистов и 2325 комсомольцев из 7900 человек, или 65% всего состава дивизии.

И по составу, и по роду выполняемых задач дивизия была тесно связана с партийными, советскими и общественными организациями Сталинграда. Городские партийные и советские организации вели широкую работу по разъяснению рабочим заводам и жителям города значения формирования дивизии НКВД в Сталинграде. Дислоцирование дивизии в городе укрепляло у населения чувство уверенности в надежной охране труда людей и общественного порядка от проникновения диверсантов и лазутчиков. По мере формирования она становилась родным детищем Сталинграда. Перед бойцами дивизии выступали старые рабочие заводов города, ветераны гражданской войны, участники обороны Царицына. Их рассказы, проникнутые духом славных революционных традиций Коммунистической партии и советского народа, оставляли неизгладимое впечатление. В свою очередь, в процессе обучения и воспитания личного состава соединения мы прививали воинам любовь к городу на Волге. Командиры и политработники рассказывали о положении на фронтах и значении Сталинграда, о героических традициях нашей армии и боевых подвигах советских патриотов. Кроме того, они проводили большую политическую работу на заводах и предприятиях, помогали обучать бойцов истребительных и рабочих батальонов.

Так крепили взаимные связи дивизии с населением города. И когда пришло время, ее личный состав стоял насмерть на защите Сталинграда, а в трудные дни испытаний плечом к плечу с воинами-чекистами сражались рабочие батальоны. Около 3 тысяч сталинградцев влилось в состав частей дивизии.

Много заботы и внимания уделял формированию дивизии начальник областного Управления НКВД по Сталинградской области член городского комитета обороны А. И. Воронин. Он непосредственно занимался вопросами ее размещения и обеспечения. Мы были в постоянном контакте по делам дивизии и всегда находили заботливую поддержку по всем вопросам у первого секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) председателя городского комитета обороны А. С. Чуянова и председателя Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся члена городского комитета обороны И. Ф. Зименкова. С их помощью в начале 1942 года было закончено формирование дивизии, и части приступили к регулярным занятиям. Но этому предшествовал ряд мероприятий, определивший, как и чему учить воинов.

В начальный период войны выявилось, что все соединения и части войск НКВД, несущие службу в прифронтовой зоне, непременно втягивались в боевое соприкосновение с противником и зачастую действовали как полевые войска. Поэтому готовя дивизию для несения службы в непосредственном тылу действующих войск Красной Армии, необходимо было учитывать явную возможность участия ее в боевых действиях с регулярными частями противника.

Прежде чем поставить задачи и разработать планы боевой и политической подготовки, мы решили проверить степень обученности личного состава всех без исключения подразделений. За основу были взяты вопросы политической, огневой, специальной и тактической подготовки. Несколько дней подряд, в зимнюю стужу, длилась эта проверка. Ежедневно, с утра до позднего вечера, офицеры управления дивизии находились на учебных полях и стрельбищах, ночью штаб обобщал итоги. Как и предполагали, уровень подготовки частей и подразделений оказался неодинаковым. Да это и понятно. В состав дивизии влились и опытные, хорошо обученные воины, и новички. Особой слаженностью отличались подразделения 273-го стрелкового полка и ряд других частей. Менее подготовленными оказались бойцы вновь сформированных полков.

Оценивая степень боевой и служебной готовности соединения на основании проведенных проверок подчиненных частей, мы пришли к выводу: в целом личный состав дивизии подготовлен удовлетворительно. Что же касается тактической выучки, и особенно готовности к ведению боя с регулярными войсками противника, то она оказалась очень слабой. Дело в том, что тактическая подготовка в войсках НКВД проводилась со служебным уклоном, в расчете на подготовку воинов к выполнению задач по охране и обороне отдельных объектов. Действия же в полевых условиях боя по Боевому уставу пехоты изучались только в отделении, взводе, роте. Явно недостаточной была и огневая выучка бойцов. В большинстве подразделений с бойцами отрабатывали только начальные упражнения стрельб из винтовки. Стреляли в основном по щиту. Находились и такие, которые вообще не стреляли боевым патроном. Воины слабо знали матчасть автомата и приемы стрельбы из него, терялись при метании настоящих боевых гранат. Помню случай, который произошел на стрельбище 271-го стрелкового полка. Он чуть не обернулся для нас гибелью людей.

В одном из оврагов у западной окраины города проводились контрольные занятия по огневой подготовке. Стреляли из винтовок, автоматов, ручных пулеметов – штатного оружия стрелковой роты. И тут же, метрах в пятидесяти от огневого рубежа, бойцы поочередно метали боевые гранаты. Обычно в окопе находились двое: сержант и красноармеец. А тут вдруг пришло сразу пять. И этому грубейшему нарушению положений курса стрельб никто не придал должного значения. Один из новобранцев взял ручную гранату, вставил запал и по команде: «Гранатой – огонь!» выдернул чеку, но рычажок не удержал. Раздался щелчок. Вместо того чтобы лимонку бросить в сторону мишеней, боец разжал руку. Граната упала на дно окопа под ноги воинов. Все знали, что через несколько секунд последует взрыв и неминуемая гибель. Окаменели, не растерялся только один. Бывалый воин красноармеец В. М. Лобанов успел выбросить лимонку из окопа и этим спас товарищей от гибели. Впоследствии стрелок Лобанов умело сражался с гитлеровцами и был награжден медалью «За отвагу».

Известно, что качество боевой и политической выучки бойцов зависит от уровня подготовки командиров. И этому вопросу мы придавали первостепенное значение. Ввиду неполной укомплектованности частей командным составом нам пришлось часть командиров взводов назначить на должность командиров рот, а на взводы поставить сержантов. Это в свою очередь потребовало значительного улучшения подготовки командных кадров.

В итоге тщательной проверки уровня подготовки личного состава и глубокого анализа ее результатов стали известны учебные задачи и последовательность их решения для каждой категории военнослужащих соединения. Основной задачей мы поставили: в кратчайший срок (до июля) подготовить командный и рядовой состав к ведению полевого боя с сильным, технически оснащенным противником и обучить воинов умелому владению в бою штатными огневыми средствами. Особое внимание уделялось изучению приемов использования гранат и бутылок с зажигательной смесью в борьбе с немецкими танками. Исходя из этого штабы дивизии и полков составили жесткие по срокам планы боевой и политической подготовки, установили постоянный контроль за их выполнением. За основу взяли программу частей Красной Армии военного времени. Предусматривалась последовательная отработка тактических задач взводами, ротами и батальонами как днем, так и ночью. Вся подготовка завершалась проведением полковых и дивизионных учений.

Организуя занятия по тактической и огневой подготовке, командиры главное внимание уделяли изучению опыта боевых действий войск на фронтах Великой Отечественной войны, особенно в обороне Москвы, Ленинграда, Одессы и Севастополя. Напряженная учеба шла днем и ночью. Время торопило. В процессе учений личный состав дивизии хорошо изучил город и его окрестности. В дальнейшем это принесло неоценимую пользу при организации отпора врагу.

На снимке (слева направо): начальник политотдела дивизии, старший батальонный комиссар Я. В. Поваров, военком 272-го полка батальонный комиссар И. М. Щербина и комиссар дивизии полковой комиссар П. Н. Кузнецов, 1942 г.

На тактических учениях бойцы и командиры действовали с полным напряжением сил, понимая, что воевать придется с сильным, хорошо вооруженным противником. К тяжести учебы вскоре прибавились и обязанности по охране ряда объектов города, а также участие в действиях по ликвидации вражеских десантов и агентуры.

В течение всего периода учебы политотдел дивизии и партполитаппарат частей проводили большую воспитательную работу среди личного состава. В основу партийно-политической работы было положено: воспитание у воинов любви к своей Родине, беззаветной преданности Коммунистической партии и советскому народу и ненависти к немецко-фашистским захватчикам. В докладах и беседах регулярно освещались ход сражений на фронтах, героические традиции Красной Армии и подвиги советских патриотов, рассказывалось о зверствах фашистов на нашей земле. Именно эта огромная и кропотливая работа всех командиров и политработников дивизии помогла воинам четче уяснить сущность, цели и задачи войны, выработать у них непоколебимую веру в победу нашего народа, веру в свои силы и готовность к самопожертвованию во имя спасения Родины.

Большую роль в воспитании личного состава сыграл умелый подбор для ротных политработников и агитаторов материалов о боевом опыте стрелков, пулеметчиков, минометчиков, связистов. Дивизионная газета в каждом номере печатала статьи и заметки участников боев и воинов, отличившихся в учебе.

В сжатое время нам удалось неплохо подготовиться к ведению основных видов боя в соответствии с уставами РККА, сколотить подразделения и части дивизии, сплотить личный состав и мобилизовать его на выполнение боевых задач. Этого требовала обстановка, которая назревала к лету сорок второго.

ЧАСОВЫЕ У СТЕН СТАЛИНГРАДА

О неудачном наступлении войск Юго-Западного фронта под Харьковом весной 1942 года написано немало. Однако не лишним будет хотя бы вкратце напомнить о замыслах врага на лето сорок второго, которые для нас оставались тайной. Это интересно еще и потому, что в них решающее значение отводилось захвату Сталинграда.

К началу 1942 года воюющим сторонам было ясно, что планы немецкого военного командования по «молниеносному» завершению войны были сорваны упорным, героическим сопротивлением Красной Армии. Война приняла затяжной длительный характер, а это, как известно, было крайне нежелательно для фашистского руководства Германии.

Первоначальное продвижение немецких войск на Восток было оплачено ценой больших потерь в живой силе и технике, возросших до огромных размеров в результате разгрома фашистских армий под Москвой, поражений под Тихвином и Ростовом-на-Дону. Лишь за два зимних месяца 1941 – 1942 годов фашисты потеряли на восточном фронте около 3 тысяч танков и большое количество другой боевой техники. И только пользуясь людскими и промышленными ресурсами оккупированных и союзных с Германией стран нацисты смогли в первой половине 1942 года пополнить свои армии живой силой и обеспечить их достаточным количеством оружия и боевой техники.

На советско-германском фронте к лету сорок второго действовало 217 дивизий и 20 бригад. Это 80% всех сухопутных войск фашистской Германии. Кроме того, около 40 дивизий должны были поставить союзные с Германией страны.

Гитлеровская военная машина вновь была готова к наступательным действиям. Но в этой готовности было одно очень слабое место. Германия начала ощущать нефтяной голод. Появились трудности и с продовольствием. Росло недовольство среди крестьян, мелкой буржуазии и интеллигенции. Престиж Гитлера стал падать. Усилился нацистский террор.

В этих условиях германский генеральный штаб и верховное командование (ОКВ) приступили к разработке плана кампании на лето 1942 года. Предложение о закреплении армий на достигнутых рубежах или отводе их к Польше было отвергнуто Гитлером. Это было бы признанием несостоятельности данных им обещаний в начале войны с Советским Союзом. Но сохраняя уверенность в количественном и качественном превосходстве своих вооруженных сил, Гитлер и его окружение учитывали уроки боев 1941 года и не решились возобновить наступление на всем советско-германском фронте.

Исходя из экономических и военных потребностей Германии, наибольшую целесообразность представляло ограниченное наступление на южном участке фронта для захвата богатых хлебных районов и угольных бассейнов СССР и кавказской нефти. По мнению гитлеровской верхушки, осуществление подобного замысла сравнительно небольшими силами войск давало Германии ощутимую экономическую выгоду. Противник же, наоборот, лишался ее, что незамедлительно скажется на боеспособности его войск. К тому же с продвижением на Кавказ одновременно оказывалось давление в политическом отношении на Турцию с целью вступления ее в войну на стороне Германии.

Впервые этот замысел был изложен в директиве Гитлера от 11 ноября 1941 года главному командованию сухопутными силами Германии (ОКХ). В частности, в ней говорилось: «При соответствующем состоянии погоды будет целесообразно использовать все имеющиеся в распоряжении силы для того, чтобы в результате нанесения удара на юге на Сталинград или путем быстрого выхода на линию Майкоп–Грозный улучшить снабжение армии нефтью, поскольку наши ресурсы в этой области ограничены»⁵.

Окончательное оформление этого замысла последовало в директиве немецкого верховного командования (ОКВ) № 41 от 5 апреля 1942 года, в которой сказано: «...в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтяные районы на Кавказе и перейти Кавказский хребет. Осуществление главной

⁵ Записано бывшим начальником группы армий «Юг» во время совещания, проводившегося 13 ноября 1941 года,

задачи возлагается на группу армий «Центр». Предусматривалось провести ряд последовательных операций, как то:

1. Прорыв фронта и захват Воронежа с дальнейшим продвижением вдоль реки Дон и оборудовании фланговой позиции на северном участке группы армий «Юг» с занятием ее войсками союзников.

2. Наступление на Сталинград и захват его, предварительно уничтожив советские войска западнее реки Дон.

3. Завоевание Кавказа.

Захват Сталинграда для врага имел решающее значение в осуществлении всего замысла. С его падением мы лишались мощного промышленного и транспортного узла на Волге, а фронт Красной Армии рассекался на две уязвимые части. «В любом случае, – сказано в той же директиве, – необходимо попытаться захватить Сталинград или по крайней мере подвергнуть его воздействию нашего тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций».

Осуществляя этот замысел, через пять дней после начала наступления Юго-Западного фронта, армейская группа «Клейст» нанесла мощный удар по правому флангу Южного фронта. Вскоре она вышла в тыл войскам Юго-Западного фронта и соединилась с 6-й армией Паулюса. Харьковская группировка наших войск оказалась отрезанной. Соотношение сил резко изменилось в пользу противника. После тяжелых оборонительных боев советские войска вынуждены были начать отход: Юго-Западный фронт – на Сталинград, Южный – на Ростов. Создалась реальная угроза прорыва немецко-фашистских войск в район Сталинграда и захвата его. Чтобы не допустить этого, 11 июля только что сформированная 62-я армия заняла оборону в большой излучине Дона. Командующий армией генерал-майор Колпакчи 10 июля отдал приказ о выдвижении 10-й дивизии войск НКВД к Калачу для обороны восточного берега реки Дон. Дивизия была поднята по тревоге. Но распоряжением из Москвы приказ отменили, и части остались в Сталинграде.

Как старший войсковой начальник по линии НКВД, 13 июля я был назначен заместителем начальника гарнизона города. Обязанности начальника гарнизона в то время исполнял заместитель командующего Сталинградским военным округом генерал-майор И. Ф. Толбухин, который обладал большим опытом работы и хорошими знаниями. Исключительно спокойный и выдержанный, он был прост в обращении с подчиненными и уверенным при решении сложных вопросов. Под его непосредственным руководством шло и строительство оборонительных рубежей на подступах к Сталинграду. Работая с ним, я многому научился в деле организации гарнизонной службы большого города в военное время. Знакомил он меня на местности и с ходом строительства оборонительных линий. Работами руководил генерал-майор, впоследствии маршал инженерных войск М. П. Воробьев.

Строительство оборонительных сооружений на подступах к Сталинграду велось с 1941 года. Было возведено четыре обвода укреплений полевого типа, но многие из них пришли в негодность от весенних паводков. К тому же на некоторых участках рубежи выбрали неудачно, без учета рельефа местности. Городской комитет обороны рассмотрел вопрос о состоянии оборонительных укреплений, признал их неудовлетворительными и возбудил ходатайство перед ГКО СССР о пересмотре рубежей обороны и приведении сооружений в полную готовность. И вот теперь десятки тысяч сталинградцев – рабочих и служащих выполняли эти работы. До начала боевых действий было построено 129 тысяч стрелковых окопов, укрытий и других сооружений. Непосредственно по окраине Сталинграда от поселка Рынок до Купоросного оборудовали четвертый обвод укреплений и 13 батальонных районов обороны непосредственно в городе. На улицах возвели баррикады. И все же оборудование рубежей не было закончено как намечалось. На них преобладали оборонительные сооружения полевого типа.

С каждым днем положение становилось все напряженней. Стало известно о выходе противника к реке Чир. Передовые отряды 62-й армии вступили с ним в бой. Сталинград стал прифронтовым городом. Участились случаи налета вражеской авиации. 13 июля в город прибыло руководство Юго-Западного фронта. Оно должно составить основу для формирования

штаба Сталинградского фронта, так как Юго-Западный ликвидировался. Меня и полкового комиссара П. Н. Кузнецова вызвал командующий фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и приказал организовать службу охраны объектов на подступах к Сталинграду и обеспечить порядок в городе. Для этих целей решено было привлечь части 10-й дивизии войск НКВД. Перед ней ставились следующие задачи:

охранять особо важные пункты переправ, узлы и перекрестки железных и шоссейных дорог; обеспечить беспрепятственное продвижение из-за Дона гуртов скота и колонн с сельскохозяйственной техникой, следующих к переправам на Волге в обход Сталинграда; совместно с истребительными отрядами и группами самообороны быть в готовности к действиям по уничтожению диверсионных групп и десантов врага в наиболее вероятных пунктах их высадки;

установить и поддерживать порядок на пунктах сбора, переправах и путях эвакуации населения города.

По существу это был первый боевой приказ, по которому в дело вступали одновременно все части соединения. Следует отдать должное военному комиссару П. Н. Кузнецову и начальнику штаба В. И. Зайцеву. В короткий срок и в исключительно трудных условиях руководимые ими партполитаппарат и штаб проделали большую работу по выработке решения, доведению до исполнителей и обеспечению выполнения. Службу охраны решено было организовать одновременно на трех рубежах; 1) по правому берегу Дона от Качалинской до Ляпичева; 2) Орловка, Котлубань, Большая Россошка, Карповка, Чапурники; 3) непосредственно на окраинах города. Когда командирам частей были поставлены задачи, по радио передали Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что Сталинградская область объявлена на военном положении.

*Начальник штаба дивизии подполковник
В.И. Зайцев. Август 1942 г.*

Там, откуда доносилась орудийная пальба, угасали краски горизонта. Па смену жаркому дню с раскаленным добела солнцем пришел вечер. Но от этого легче не стало. Вязкая духота навалилась на город. И казалось, что на земле стало тесно. Однако жизнь шла своим чередом. На тротуарах и в скверах прогуливались люди, пили газировку. А улицы заполнили походные колонны. Части дивизии уходили на боевое задание: 270-й, 272-й и 273-й полки – к Дону, 269-й и 271-й – на средний и

ближний рубежи.

Основу службы охраны составляли: отряды для обороны крупных переправ через Дон; караулы и посты, выставляемые на мелких переправах, узлах дорог и въездах в город; контрольно-пропускные пункты в местах расположения отрядов и постов. Промежутки между постами охранялись полевыми караулами и патрулями, а в местах возможного проникновения в город вражеских лазутчиков на ночь выставлялись специальные группы. Для борьбы с воздушными десантами и отдельными парашютистами противника в частях назначались дежурные подразделения.

Командиры частей, начальники отрядов, постов и полевых караулов были облечены широкими правами по обеспечению порядка в тылу фронта. Им предоставлялось право проверять документы у всех без исключения лиц, передвигающихся в прифронтовой полосе, задерживать подозрительных и не имеющих соответствующих документов, а также автогужевого транспорт, нарушающий установленный порядок движения.

Забегая вперед, замечу: предоставление командирам указанных полномочий сыграло положительную роль в успешном выполнении поставленной задачи. Вся территория между

Волгой и Доном находилась под строгим контролем. Это позволило выявить и задержать вражеских лазутчиков, пытавшихся проникнуть в Сталинград. Благодаря же четкой службе регулирования на маршрутах эвакуации скота и сельскохозяйственной техники были ликвидированы заторы и скопления, которые обычно служили приманкой для немецкой авиации. В свою очередь улучшились условия для движения войск к фронту.

Когда полки покинули город, офицеры управления дивизии выехали в части. Проверяли, как выполняется приказ. Караульные отряды и посты западнее Сталинграда мы объезжали вдвоем с Петром Никифоровичем Кузнецовым. С утра побывали в 271-м стрелковом полку и теперь спешили к Дону. Солнце сосредоточенно жгло притихшую землю. Над бескрайней степью плясала огненно-желтая дымка, будто плавилась земля и пары ее поднимались до самого солнца, отчего небо было желтое, как лимон. Горячий ветер насыщен пылью. Она везде, даже на зубах. Машина, переваливаясь с боку на бок, медленно ползет вдоль лощины, почти невидимая в облаке пыли. «Душедоверенный комиссар», как красноармейцы между собой называли Кузнецова за его способность расположить к себе людей, откинулся на спинку сиденья и делает вид, что дремлет. Комиссар не спит, это я хорошо знаю. Он продолжает анализировать то, с чем мы только что столкнулись в полку. Обычно при выездах в части кто-либо из бойцов непременно обращался к комиссару с вопросом. Потом подходили другие, завязывалась длительная непринужденная беседа. Красноармейцы дымили махоркой и, отбросив скованность, делились сокровенными тайнами. Тут были и вопросы, и предложения, и просьбы. В конечном итоге все это обертывалось на пользу боевой и политической подготовке и укреплению дисциплины. Поэтому таких минут всегда искал военком Кузнецов. Он даже как-то сказал мне:

– Больше всего боюсь упустить хоть один день. А это очень легко определить. Если сегодня никто из красноармейцев, сержантов или командиров не подошел к тебе, считай – холостой день. Значит, в чем-то не доработали.

Сегодня как раз и случилось подобное. Мы объехали все контрольно-пропускные пункты и посты, и никто из бойцов не подошел с вопросом. Это озадачило и огорчило комиссара. Он долго крепился, потом не выдержал. На одном из пунктов сам спросил красноармейцев, почему они ни о чем не спрашивают. И тут же мы услышали ответ:

– А чего ж тут спрашивать, товарищ комиссар, если и так все понятно. Получена боевая задача, ее надо выполнить как учили. Не подведем, можете не сомневаться.

Такой ответ меня обрадовал. Он означал, что в ходе боевой и политической подготовки, а также всей системой партийно-политической работы мы добились главного – воспитали уверенных, стойких и преданных воинов. С такими можно идти в бой. А Петра Никифоровича мучил какой-то нерешенный вопрос, и он обдумывал, что еще следует сделать. Вот он и делал вид, что дремлет.

...Преодолев последний подъем, машина выскочила на гребень высоты. И горизонт раздвинулся. Вдали, за Доном, белели меловые кручи. Из низины пахло прохладой. Стало легче дышать. За отрогом хребта пыльная дорога серой лентой побежала вниз к Дону. В восходящих струях прогретого воздуха предметы казались изломанными, дрожащими. Справа, в лощине, разлилась синева, словно озеро. Но оно все время отодвигалось, сколько бы мы ни ехали. Мираж. Почти у окраины Вертячего повстречалось до десятка бойцов. Грязные и усталые, воины сошли на обочину, уступая дорогу. У каждого было оружие. Когда остановилась машина, подошел красноармеец в сдвинутой набекрень пилотке, доложил:

– Следуем в Малую Россошку, на пункт формирования. – А потом, словно спохватившись, зашептал: – Товарищ полковник, это все, кто остался в живых из нашего батальона. Дайте нам командира и патронов. Мы хотим драться с фашистом.

Посоветовавшись с комиссаром, я вернул бойцов в Вертячий и включил их в состав заставы, на покрытие некомплекта.

Наведение порядка в тылу фронта представляло трудную задачу. Все дороги на подходах к Дону с запада были заполнены до отказа. Нужно было разобраться в этой мешанине. И наши подразделения справлялись с возложенными на них обязанностями успешно. Однако не

всегда все было гладко. К переправам первыми устремлялись напуганные тыловые подразделения и учреждения с многочисленными обозами. Стремясь быстрее уйти на восточный берег Дона, они оттесняли беженцев, колонны вывозимой сельскохозяйственной техники и гурты скота. У переправ образовались пробки. Это привлекло вражескую авиацию. Начались бомбежки. Гибли женщины, старики и дети. К паникерам и трусам пришлось применить жесткие меры и этим поддерживать порядок. Были случаи, когда некоторые должностные лица органов войскового тыла, пользуясь высокими воинскими званиями, пытались по-своему устанавливать очередность пропуска колонн на переправах. Они явно игнорировали указания младших по званию и этим создавали затруднения. Пришлось назначать дежурных из числа старших командиров управления дивизии.

В целом же, несмотря на серьезные трудности, порядок на переправах Дона и на подступах к Сталинграду был наведен. Для беженцев из оккупированных областей были оборудованы, в обход Сталинграда, маршруты и переправы через Волгу севернее и южнее города. Частям дивизии, несшим службу на Дону, Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко объявил благодарность. За отличное выполнение задачи.

К 21 июля армии фронта заняли организованную оборону в большой излучине Дона на рубеже Клетская, Суровикино, Верхне-Курмоярский, приняв под свою охрану и переправы через Дон. По приказу заместителя наркома внутренних дел И. А. Серова и начальника УНКВД по Сталинградской области Воронина 23 июля части дивизии были отведены для несения патрульной службы в Сталинграде и службы охраны на подступах к городу, непосредственно на его окраинах и на переправах через Волгу.

В июле ЦК ВКП (б) потребовал от Сталинградского обкома партии обеспечить высокие темпы работы промышленности, укрепить оборону города и вести решительную борьбу с трусами и паникерами. Вечером этого же дня состоялось экстренное собрание городского партийного актива, в работе которого участвовали и коммунисты дивизии. Актив объявил себя мобилизованным на защиту Сталинграда.

Труд населения стал еще напряженнее. Работая в тяжелых условиях прифронтовой обстановки, при нехватке сырья и материалов, заводы города делали все для обеспечения потребностей фронта. Краснознаменный тракторный завод в июле перевыполнил план по выпуску танков и был награжден переходящим Красным знаменем Государственного Комитета Оборона СССР. Выпускаемые заводом танки Т-34 были гордостью страны. Их превосходные качества признавали и наши враги. Завод «Красный Октябрь» давал отличную легированную сталь для танковой брони. Танки, орудия, противотанковые пушки, боеприпасы, понтоны для переправ и другую военную продукцию выпускали заводы Сталинграда.

В июле был решен вопрос и уборки урожая на территории области. 23 июля был создан штаб с чрезвычайными полномочиями по уборке урожая. Благодаря самоотверженному труду колхозников; которым помогало специально мобилизованное на эти работы население города, удалось убрать значительную часть созревшего хлеба.

В эти дни в Сталинград прибыл начальник охраны тыла Юго-Западного фронта генерал-майор В. Т. Рогатин. Подчиненные ему части НКВД по охране тыла фронта при отходе понесли серьезные потери. Объекты фронтового тыла по существу остались без охраны. На правах старшего войскового начальника по линии НКВД В. Т. Рогатин вызвал меня с комиссаром дивизии и объявил, что 10-я дивизия переходит в его подчинение. Часть ее полков он поставит на охрану тыла фронта. Я ответил, что мы не можем выполнить его распоряжение, так как дивизия подчинена начальнику УНКВД по Сталинградской области и для нового переподчинения требуется его согласие и распоряжение наркома внутренних дел. На другой день начальник УНКВД А. И. Воронин отказался переподчинить дивизию, начались переговоры с Москвой. В итоге 270-й стрелковый полк 23 июля был передан во временное подчинение генерал-майору Рогатину и убыл на охрану объектов тыла фронта.

Особенно ощутимой для нас оказалась потеря сразу двух боевых частей. Из состава дивизии был изъят наиболее подготовленный и хорошо оснащенный 273-й стрелковый полк. Его спешно отправили на Кавказ в связи с обострившейся там военной обстановкой. Тогда же ста-

ло известно о судьбе 41-го полка. В боях за Воронеж он вступил в смертельную схватку с фашистскими захватчиками и к концу июля фактически перестал существовать. Остатки личного состава полка были отведены в Сталинград и переданы на комплектование других частей дивизии.

Итак, к началу августа в составе дивизии осталось лишь четыре стрелковых полка из шести по штату. К тому же 270-й временно выбыл из подчинения командованию дивизии. В связи с этим возросли трудности по организации охранной службы на подступах к Сталинграду и в самом городе. Не хватало сил и средств. Но задача оставалась прежней, и воины соединения выполняли ее, не считаясь с возросшей нагрузкой.

Когда части дивизии несли службу охраны на Дону, штаб поддерживал непрерывную связь с войсками 62-й армии. Наши представители часто бывали в штабах частей и соединений на правом берегу Дона, уточняли обстановку. Связь не нарушилась и после отвода полков к Сталинграду. Сведения о противнике мы также получали от бойцов разрозненных групп и из информации УНКВД и штаба фронта. Добытые таким образом данные о положении наших и гитлеровских войск обобщались, анализировались. Правда, в то время нам не все было ясным. Не знали мы в деталях о группировке немецко-фашистских полчищ и замыслах фашистских генералов. Одно лишь было бесспорным: враг силен, он рвется к Сталинграду.

На Сталинград наступала 6-я немецкая армия Паулюса. К 22 июля она вышла на рубеж Перелазовский–Обливская–Тормосин. На следующий день гитлеровцы нанесли удар по правому флангу 62-й армии южнее Клетской и через трое суток прорвались к Дону между Мало-Голубинской и Мостовской. Введенные в бой наши 1-я и 4-я танковые армии с целью ликвидировать прорыв сорвали планы врага форсировать Дон с ходу. Однако восстановить фронт 62-й армии здесь не удалось.

25 июля гитлеровцы начали наступление и против правого фланга 64-й армии. Под натиском превосходящих сил врага к 28 июля соединения отошли на реку Чир от Суровикино до Рычковского, а южнее – на восточный берег Дона. Но и на этом направлении немцы дальше продвинуться не смогли. Фронт на некоторое время стабилизировался.

Таким образом, первая попытка врага взять Сталинград с ходу закончилась провалом. В ожесточенных боях противник понес значительные потери в живой силе и боевой технике и, не достигнув своей цели, вынужден был приостановить наступление на этом направлении.

Штаб 10-й дивизии войск НКВД размещался в доме № 6 по улице Гоголя. Это в самом центре города. Но там я бывал только по вечерам. Большую часть времени проводил в частях, которые несли службу охраны на окраинах города и переправах через Волгу. Приближение фронта к Дону потребовало срочной эвакуации населения и материальных ценностей из западных районов области. К Волге двинулись тракторные парки МТС, гурты скота, подводы с семьями и домашним скарбом. Чтобы этот поток не хлынул в Сталинград, требовалась четкая организация службы регулирования на маршрутах движения к переправам.

Стояли жаркие дни. Было больно смотреть на людей, которых война сдвинула с родных мест. Пыль, поднятая на дорогах, темно-коричневыми шлейфами висела над иссушенными зноем полями, оседала в балках. Казалось, что ею уже пропиталось все насквозь. После поездки по пыльным дорогам стоило больших трудов привести себя в порядок.

В этот раз мы возвратились в штаб раньше обычного. Но оперативный дежурный уже разыскивал меня. Я зачем-то срочно потребовался начальнику УНКВД. Пришлось ехать немедленно. А. И. Воронин поинтересовался, как обстоят дела на переправах, нет ли задержки с эвакуацией, и тут же подал мне приказ наркома обороны № 227. Откровенно говоря, я его прочитал залпом. Приказ резко осуждал неуверенность и неустойчивость на фронте, требовал покончить с отступлением. «Надо упорно, до последней капли крови защищать позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».

– Думаю, не следует заострять ваше внимание на задачах дивизии, вытекающих из приказа. Сказано достаточно четко и своевременно. Этого требует обстановка.

С таким напутствием А. И. Воронин отпустил меня. А в штабе все уже были в сборе. Обычно в конце каждого дня мы подводили итоги проделанной работы, намечали мероприятия. На этот раз я объявил приказ наркома обороны, политотделу и штабу поставил задачи о

Командир 2-го стрелкового батальона 270-го полка капитан А. В. Груздев. 1942 г.

доведении и разъяснении его всему личному составу дивизии. Затем подполковник Зайцев доложил сведения, полученные от командира 270-го стрелкового полка майора Журавлева. В них говорилось, что 31 июля 4-я танковая армия немцев начала наступление вдоль железной дороги Тихорецк–Сталинград. Встретив незначительное сопротивление обескровленных войск 51-й армии, противник прорвал ее фронт, захватил Ремонтную и Котельниково и продолжает наступление на Абганерово, Плодовитое. Тут же начальник штаба предложил организовать разведку с целью установления истинного положения наших войск. Было решено в 270-м стрелковом полку создать разведывательные группы, включив в их состав офицеров штаба дивизии и полков с радиостанциями. Разведку вести на автомашинах по маршрутам:

первая группа –вдоль железной дороги на Тундутово, Абганерово, Жутово, Котельниково;
вторая группа – Красноармейск, Плодовитое, Аксай, Перегрузный, Шарнаутовск.

Группа, следовавшая вдоль дороги на Котельниково, к вечеру 3 августа в районе Гнило-Аксайская встретила отходящие мелкие подразделения разных частей и соединений 51-й армии. Бойцы сообщили, что их разбили, и Котельниково взято противником, а немецкие войска идут на Сталинград. 4 августа группа установила связь с окопавшимися по северному берегу реки Аксай частями 157-й стрелковой дивизии. Офицеры подтвердили полученные группой данные.

Вторая группа, следуя левым маршрутом, утром 4 августа обнаружила движение танков и мотопехоты противника в северном направлении. В дальнейшем группа была атакована танками противника и, потеряв одну машину, отошла на Абганерово.

О захвате противником Котельниково было донесено в Москву 3 августа, а о движении танков и мотопехоты в направлении Абганерово – 4 августа. Эти сведения мы доложили штабу Сталинградского фронта. 5 августа обе разведывательные группы отозвали в Сталинград.

С подходом передовых частей противника к реке Аксай в бой вступили и несшие здесь охранную службу подразделения 270-го стрелкового полка. На рассвете 3 августа бойцы 6-й роты слышали гул моторов. С каждой минутой он нарастал, приближаясь с юго-запада к поселку Аксай. И вот из-за холма вынырнули гитлеровские мотоциклисты в сопровождении бронетранспортера и автомашины с пехотой. Они уверенно катились по дороге, поднимая за собой серую завесу пыли. Чем ближе к реке, тем отчетливей видимость. Уже хорошо различимы каски вражеских солдат и торчащий на бронетранспортере пулемет. И тут грохнул выстрел. То ли у кого-то из бойцов не выдержали нервы, или же он стрельнул преднамеренно, чтобы предупредить товарищей об опасности, – осталось тайной. На одиночный выстрел дружно отозвались остальные воины. Забухали винтовки, скороговоркой прошелся вдоль дороги «дегтярь». Стреляли бронебойно - зажигательными. Вражеский бронетранспортер словно споткнулся, задымил. И враг дрогнул. Мотоциклистов словно ветром смахнуло. За высоту укатила и автомашина. А бронетранспортер уже горел пламенем. С него ошалело полоснул по мосту немецкий пулемет, вверх взвилась зеленая ракета. И все смолкло...

Солнце уже оторвалось от горизонта и начало по-летнему припекать, а гитлеровцы все не появлялись. Лишь за рекой чернел остов обгоревшего бронетранспортера, напоминая о недавнем бое. В район обороны роты прибыли командир и комиссар батальона– старший лейтенант А. В. Груздев и политрук Ф. П. Гривинов. Прибыли с целью помочь организовать оборону. По-прежнему было спокойно. Однако все воины были заняты и времени не теряли даром. Используя затишье, они без приказа, по собственной инициативе глубже зарывались в землю.

У моста, по обе стороны от него, установили несколько противотанковых мин. Никто не сомневался в том, что противник непременно попытается овладеть переправой.

Близилось обеденное время, когда на роту гитлеровцы обрушили шквал минометного огня. А вскоре к реке подошло четыре вражеских танка с десантом автоматчиков. Они долго обстреливали окопы из пушек и пулеметов. Весь берег заволокло дымом и пылью. Казалось, ничего живого не осталось за мостом, но едва гитлеровцы поднимались в атаку, их встречал губительный огонь. И все повторялось снова...

Трое суток длился неравный бой у села Аксай. И трое суток воины 2-го стрелкового батальона удерживали свои позиции, так и не пустив врага на северный берег степной реки. Они подбили и подожгли 6 танков, бронетранспортер и 7 автомашин и истребили до роты пехоты противника.

Бывая частенько в штабе фронта, я знал, что к началу августа Ставка Верховного Главнокомандования направила под Сталинград около двадцати стрелковых дивизий и бригад, танковый корпус и большое количество артиллерийских и минометных частей. Резервы продолжали прибывать. 5 августа Сталинградский фронт был разделен на два самостоятельных: Сталинградский и Юго-Восточный. Последний отвечал за юго-западное направление и непосредственно за город Сталинград. Командующим фронтом назначили генерал-полковника (впоследствии Маршала Советского Союза) А. И. Еременко. Утром 7 августа он вызвал меня на свой КП и отдал распоряжение: 10-й дивизии войск НКВД совершить ночной марш и к утру 8 августа сосредоточиться в Бекетовке и Сарепте в готовности к выполнению боевой задачи. Я принял распоряжение командующего фронтом к исполнению, но доложил, что о полученной задаче должен донести заместителю наркома внутренних дел по войскам, вечером А. И. Еременко свой приказ отменил. И все же утром следующего дня я выехал в Сарепту. На всякий случай нужно было наметить маршруты выдвижения к южной окраине города. Все могло случиться.

Был солнечный душный день. Закончив рекогносцировку маршрутов, мы на несколько минут задержались на берегу затона у станции Сарепта. Соблазнила тишина и прохлада воды. Шофер предложил искупаться. Но время торопило. Освежив лица водой, мы тронулись в обратный путь. И сделали это вовремя. Когда подъезжали к Сталгрэсу, налетело около 20 фашистских стервятников. Выстроившись в круг, в течение нескольких минут они поочередно сбрасывали бомбовый груз по скоплениям вагонов на станции Сарепта и по баржам в затоне. Вскоре огромной силы взрыв расколол тишину. Начались пожары. Дымом заволокло небо, закрыло солнце. Позже узнал, что взорвалась баржа со снарядами.

Тем временем обстановка на подступах к Сталинграду еще больше обострилась. Юго-западнее города танковые части гитлеровцев овладели Громославкой, совхозом им. Юркина, разъездом «74-й километр», достигли Тингутинского лесничества и усадьбы совхоза «Приволжский». Возобновились атаки немецко-фашистских войск и на правобережье Дона. Части 62-й армии начали отход на восточный берег реки. Таким образом противник вплотную подошел к внешнему оборонительному обводу. Об этом доложил подполковник Зайцев, когда мы собрались в штабе дивизии на традиционной «оперативке».

А вот что записал в те дни комиссар 1-го батальона 270-го стрелкового полка А. В. Коваленко в своем дневнике:

«4 августа. Ночью батальон поднят по тревоге и из Ивановки переброшен в Цыбенко. Здесь скопилось много гражданского населения из Украины, Ростовской, Сталинградской и других областей. Встречаются большие трудности: многие без документов. Есть и дезертиры под видом больных и психических. Бойцами 2-й роты задержаны 4 паникера и вербовщики, засланные гитлеровской разведкой. Допросили их и отправили по назначению. В 13.00 «рама» сбросила листовки. В них одна брехня. Они рассчитаны на слабонервных. Личный состав батальона морально крепок.

5–6 августа. В ротах проведены беседы на тему «Народ и армия – едины». С командиром батальона старшим лейтенантом Морозкиным проверили организацию питания бойцов, обеспеченность боеприпасами и оперативность службы на КПП. Обстановка на Дону исклю-

чительно тяжелая. Наши КПП расположены в 12-15 километрах от реки. В отдельных местах через ДОН началась переправа наших войск. Фашистские стерши пики бомбят переправы.

8 августа. По приказу командования батальон передислоцировался ближе к фронту, в Бузиновку. Мы расставили КПП в 5–8 километрах от Дона. В 16.00 советские зенитчики сбили фашистский бомбардировщик. Командир взвода Николай Волков с тремя красноармейцами захватил двух летчиков и доставил в штаб батальона. Имел с ними разговор:

– Куда сбросили бомбы?

– На русских. Мы выполняем волю фюрера. Фашисты есть фашисты...»

Поздним вечером с А. И. Ворониным по ВЧ мы докладывали обстановку заместителю наркома внутренних дел по войскам товарищу Аполлонову. Ввиду угрожаемого положения для города я просил разрешения использовать части дивизии для обороны юго-западных подступов К Сталинграду. Такое разрешение было получено, и после согласования со штабом фронта три полка (269-й 272-й и 271-й) были развернуты на рубеже: исключительно Городище, Сталинградский, Опытная станция, Верхняя Ельшанка, Купоросное.

Перед выходом частей на оборонительные рубежи в дивизии разработали «Памятку красноармейца». Под рубрикой «Защитникам Сталинграда» она была напечатана в дивизионной газете «Сталинец» и вышла отдельной листовкой. Памятка готовилась очень тщательно и сыграла большую роль в деле обучения и воспитания воинов. Ее текст гласил:

«Будь бесстрашным в бою и беспощаден к врагам народа – повсюду и везде без всякой жалости истребляй фашистов, как бешеных собак. Веди свой точный боевой счет выбитых гитлеровцев. Количеством уничтоженных фашистов измеряются твои заслуги перед Родиной.

Проявляй высокую боевую активность. Всегда ищи встречи с врагом, а встретившись – во что бы то ни стало уничтожай его. Никаких передышек, никаких пауз. Пусть на каждом шагу они чувствуют, что смерть идет за ними по пятам.

В любых условиях сохраняй стойкость и мужество. Враг показался на флангах, его группы просочились в тыл – не теряй голову. Откуда бы враг ни появился, его всегда можно достать либо пулей, либо гранатой, либо штыком. Чем сподручнее – тем и бей. Терять голову от того, что враг появился не оттуда, откуда его ждали, значит самому лезть к нему в петлю.

Презрение к смерти рождает героев и обеспечивает победу. Мужественный боец гибнет реже, чем малодушный, ибо он верит в себя, верит в товарищей. Помни! Враг уступит перед твоей смелостью, перед твоим дерзким натиском. Будь смел – и ты добьешься победы. Будь отважным, и ты пройдешь сквозь все опасности!

Сила армии – в дисциплине. Крепкая воинская дисциплина – залог победы в бою. Ни при каких обстоятельствах не отступай от установленного воинского порядка. Приказ командира – закон, свято выполняй военную присягу на верность Родине и Советскому правительству.

Без приказа командира – ни шагу назад, неорганизованный отход не уменьшает, а увеличивает угрожающую тебе опасность. Отойти без приказа – значит предать товарища, нанести вред нашей борьбе за Родину, встать в один ряд с презренными дезертирами и трусами.

Оружие – твоя сила, твоя победа. Береги оружие больше жизни. Не будет оружия – не будет и жизни, и не только твоей, а жизни многих товарищей, отдалится победа Родины. Не бросай оружия, пока жив. А будешь ранен, унеси его, чтобы передать товарищу.

Истребляй фашистские танки гранатой, зажигательной бутылкой и миной. Помни: смелому бойцу танк не страшен. Трус бежит на смерть. Уходить от танка – верная смерть. Не уходи от немецких танков, а наоборот, ищи их, чтобы истребить.

Умей бороться с фашистскими самолетами, не давай фашистам летать на низких высотах, рази их из винтовки и пулемета. Расстреливай пикирующие самолеты врага.

Фашисты боятся красноармейского штыка. Лихим штыковым ударом уничтожай фашистских гадов.

Ночным боем выживай немцев из населенных пунктов. Засветло подгони снаряжение, подготовь оружие. Незаметно подберишься к неприятелю и внезапно нападай на него. Быстро и

решительно расправляйся с врагом. Помни: стрелять и метать гранату в ночном бою можно только по приказу командира.

Умело преодолевай минометный огонь противника. Лучшее противодействие минометному огню – стремительно быстрое сближение с противником. Миномет бьет по тебе, а ты беги навстречу противнику для боя.

Взаимопомощь и выручка в бою – закон воинов Красной Армии. Помогай в бою товарищам, а они помогут тебе. Побьешь врага – всем сразу легче станет: и раненым, и здоровым.

Враг стремится вывести из строя наших командиров и комиссаров. Охраняй командира и комиссара в бою, как боевое знамя – они ведут тебя к победе.

У труса и паникера глаза велики. Трус и паникер преувеличивают силы врага, уменьшают силы своей части. Паникер – худший враг в бою. Дурную траву – с поля вон!

Враг хитер и коварен, опытен в обмане и провокации. Будь бдителен. Строго храни военную и государственную тайну. Разглашение военных секретов есть измена Родине.

Воины Красной Армии, бейтесь до последней капли крови, но не сдавайтесь врагу. Лучше смерть в бою, чем фашистский плен. До тех пор, пока у тебя есть хоть капля крови, беспощадно уничтожай фашистскую мразь.

В самой тяжелой обстановке никогда не падай духом, не унывай и бейся до последних сил. Будь всегда бодр и весел и поднимай боевой дух своих товарищей...

Доблестные защитники Сталинграда! Не дадим на поругание прекрасный город Сталинград! Ни шагу назад! Только вперед! Мы защищаем свою Родину сами своими силами, своей кровью и жизнью. И как в годы гражданской войны, все, как один, встали на рубежах и отстоим Сталинград!

Под Сталинградом должен начаться окончательный разгром немецко-фашистской армии. Вперед, славные воины! На окончательный разгром врага».

Одновременно политотдел выпустил «Памятку парторга ротной парторганизации», провел семинары партийного и комсомольского актива. Предвидя возможность выхода из строя командиров и политработников подразделений, мы заранее подобрали и назначили их заместителей.

Проведенные штабом и партийно-политическим аппаратом дивизии мероприятия способствовали укреплению боевого духа воинов, поднятию личной ответственности каждого и сознательного отношения бойцов и командиров к своим обязанностям. Части выходили на рубежи обороны, полные решимости любой ценой отстоять Сталинград, дать врагу сокрушительный отпор. В первом же бою они доказали эту свою решимость.

В связи с сокращением линии фронта по указанию Ставки Верховного Главнокомандования в августе Сталинградский фронт был подчинен командующему Юго-Восточным фронтом генерал-полковнику А. И. Еременко. Его заместителями назначались: по Сталинградскому фронту – генерал-лейтенант В. Н. Гордов, по Юго-Восточному – генерал-лейтенант В. И. Голиков. В тот же период меня назначили начальником гарнизона города Сталинграда с непосредственным подчинением командующему Юго-Восточным фронтом. Еще до этого генерал Ф. И. Толбухин вступил в командование 57-й армией, в связи с чем его освободили от обязанностей начальника гарнизона.

Мы понимали, какая серьезная опасность нависла над Сталинградом. Хорошо знали и о том, что разгром немецко-фашистских войск, идущих с запада и юго-запада на Сталинград, имеет решающее значение. В связи с этим командованием предпринимались решительные меры, направленные на то, чтобы отстоять город и разгромить вражеские полчища.

Утром 10 августа генерал-полковник Еременко вызвал меня на КП фронта. Ознакомив с распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования, он поставил задачи на наведение в кратчайший срок порядка в городе. В тот же день нами был получен документ следующего содержания:

1. На основании указаний Верховного Главнокомандования командира 10-й дивизии войск НКВД полковника Сараева А. А. назначить начальником гарнизона гор. Сталинграда.
2. Начальнику гарнизона гор. Сталинграда полковнику Сараеву:

- а) навести образцовый порядок в городе. Воспретить движение гражданского населения без специальных удостоверений после 22.00;
- б) организовать четкую службу регулировочных и контрольных постов на входе в город и по городу;
- в) принять решительные меры к содержанию в исправном состоянии дорог в городе и мостов. У всех мостов, на случай их нарушения, устроить объезды;
- г) привести в полную боевую готовность пожарные команды города, частей и учреждений гарнизона. Правильно расставить их по объектам. Усилить пожарные команды пожарными дружинами. Проверить состояние противопожарных мероприятий и усилить профилактические противопожарные мероприятия.

Проверка документов. Сталинград, август 1942 г.

В середине августа оперативной директивой штаба Юго-Восточного фронта начальнику гарнизона города Сталинграда было приказано: для обеспечения наибольшей пропускной способности города и ликвидации «пробок» в трехдневный срок организовать дополнительно в городе два сквозных пути и одну дорогу вне черты города со службой регулирования.

Назначение меня начальником гарнизона было неожиданным фактом, но не удивило. За пройденный период войны стало обычным явлением в прифронтовых городах, имеющих важное значение, назначение начальниками гарнизонов одного из старших войсковых начальников войск НКВД, находящихся в данном районе. И это вполне оправдывалось, так как они легче устанавливали связи с командованием наших войск, органами НКВД, партийными и советскими организациями, имея, как правило, в своем подчинении достаточные войсковые силы для обеспечения порядка и охраны таких городов.

Состав войск Сталинградского гарнизона был разнороден. Основу составляли формирования войск НКВД: 10-я дивизия, 73-й отдельный Краснознаменный бронепоезд, истребительные батальоны и сводные батальоны полков 249-го конвойного, 91-го железнодорожного и 178-го стрелкового по охране промышленных предприятий. Кроме того, в Сталинграде дислоцировались военно-политическое училище, 21-й и 28-й отдельные учебные танковые батальоны, 32-й сводный отряд морской пехоты Волжской военной флотилии и другие мелкие формирования. Для руководства ими по наведению и поддержанию порядка в городе мною было создано управление начальника гарнизона. В него вошли: комиссар дивизии полковой комиссар П. Н. Кузнецов, начальник штаба подполковник В. И. Зайцев, военный комендант города майор В. Х. Демченко.

В тот период в штат 10-й дивизии войск НКВД был введен заместитель командира дивизии по гарнизонной службе. На эту должность прибыл полковник Н. С. Васин – хорошо подготовленный, грамотный командир с 20-летним стажем службы в войсках НКВД. В период гражданской войны он участвовал в боях под Царицыном в составе дивизии Киквидзе, а также при разгроме деникинских банд и белополяков. Последнее время был военным комендантом одного из районов Москвы и имел хороший опыт организации гарнизонной службы в прифронтовом городе. В Сталинграде Н. С. Васин стал заместителем не только командира дивизии, но и заместителем начальника гарнизона.

Выполняя задачу по наведению порядка в городе, я издал приказ, которым были определены мероприятия по светомаскировке и запрещалось движение по улицам города ночью без специальных пропусков. Склады и наиболее важные учреждения брались под охрану. Для более оперативной работы военной комендатуры города за счет подразделений 10-й дивизии войск НКВД были организованы и 15 августа начали работать районные комендатуры. Им оперативно подчинялись городская и районные военкоматы, подразделения милиции, формирования МПВО и пожарные команды. В тот же день приказом НКО СССР дивизия была включена в состав действующих войск.

Контроль за выполнением приказа начальника гарнизона осуществляли городская и районные военные комендатуры. Для этих целей за счет частей 10-й дивизии и милиции города ежедневно снаряжалось от 60 до 100 патрульных групп. Регулирование движения по городу осуществлялось личным составом 88-го ДЭПа (дорожно-эксплуатационный полк) и обученными ОРУДом (отдел регулирования уличного движения) красноармейцами. Охрана внешних границ города была также возложена на части 10-й дивизии войск НКВД и милицию. На всех въездах в город круглосуточно функционировали командирские контрольно-пропускные пункты. Промежутки между КПП охранялись дозорными и секретами.

Обязанности командования гарнизона не ограничивались задачами, которые поставил командующий. Мы всегда находились в готовности к выполнению любых задач, поставленных начальником УНКВД по Сталинградской области. Естественно, что практическое решение сложного комплекса вопросов немыслимо без всесторонней поддержки и помощи со стороны армейских командиров, органов НКВД, партийных, советских и общественных организаций области и города. И надо сказать, что все это было нам обеспечено.

Благодаря такой основательной поддержке порядок в городе быстро налаживался. По приказу командующего Юго-Восточным и Сталинградским фронтами до 15 августа из города вывели все тыловые подразделения войск. Были приняты постановления Сталинградского обкома ВКП(б) и облисполкома: 15 августа – «О частичной разгрузке города Сталинграда», которым намечалось вывезти в Куйбышевскую область и Заволжье около 25 тысяч неработающих женщин с детьми; 16 августа – «Об эвакуации всего гражданского населения из районов боевых действий Красной Армии»; 18 августа – «Об эвакуации детских домов за пределы Сталинградской области».

На основании постановлений до 20 августа из Сталинграда было эвакуировано более ста тысяч человек, из них только коренного населения города – около сорока тысяч. Но большинство сталинградцев оставалось на месте, работая на предприятиях. Продукция заводов и фабрик города непрерывным потоком шла на фронт.

22 августа городской комитет обороны принял постановление «Об усилении охраны заводов города Сталинграда» за счет дополнительных военизированных команд. В момент непосредственной угрозы заводам эти команды должны были действовать под руководством командиров армейских частей. Городской комитет обороны обязал выделить из отрядов народного ополчения «...наиболее боевую их часть, могущую по первому приказанию участвовать в боевых операциях».

В итоге осуществления указанных мероприятий в городе был наведен порядок. Это позволило достаточно четко управлять его жизнью, а при угрозе нападения – привести в оборонительное состояние для отражения удара противника.

Одновременно усиленно велось строительство оборонительных сооружений на городском обводе и в тринадцати батальонных районах обороны непосредственно в Сталинграде: кирпичные дома приспособляли под огневые точки, устанавливали бронеколпаки и ежи, возводили баррикады. Город готовился к отпору врага. К этому готовились и части дивизии. Первый этап ее боевой деятельности в Сталинградской битве закончился. За время несения службы охраны на подступах к городу и в самом Сталинграде воины соединения более месяца поддерживали порядок на переправах и дорогах, надежно охраняли город от проникновения в него диверсантов. Только за 20 дней августа было задержано и обезврежено несколько вражеских лазутчиков. Мы приобрели также опыт организации и ведения войсковой разведки и практику поддержания непрерывной связи с частями и соединениями фронта. Все это позволило нам неплохо знать обстановку. Многие воины 270-го полка получили опыт ведения боя с противником в полевых условиях.

Итак, задачу по охране города и подступов к нему дивизия выполнила. Теперь обстановка складывалась так, что в скором времени ей предстояло вступить в бой на оборонительных рубежах Сталинграда. Как раз к этому времени в состав дивизии влился новый, 282-й стрелковый полк, прибывший из Саратова. Он был укомплектован по существующим штатам личным составом бывших пограничных застав и подразделений внутренних войск центральной части России. Разместили его в Доме культуры завода «Баррикады». Во главе полка стояли опытный командир майор М. Г. Грущенко и комиссар, бывший военком пограничного отряда, батальонный комиссар А. М. Карпов